

ПАРКИ КУЛЬТУРЫ И ОТДЫХА 1920–1930-Х ГОДОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

УДК 712(470)

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-47-52>

Е. А. Лупина

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация;
Центральный парк культуры и отдыха им. М. Горького,
Москва, Российской Федерации,
e-mail: official@park-gorkogo.com

Аннотация: В статье отмечено, что с первых лет советской власти в нашей стране разрабатывались новые формы массовой работы, одной из которых становится создание учреждений, где политico-просветительская работа соединена с культурно-идеологической. К этому типу и относились парки культуры и отдыха, создаваемые в 1920–1930-е годы в СССР. Помещенные в политизированный контекст эпохи визуальные артефакты (парки культуры и отдыха, произведения искусства и пр.) способствовали возникновению специфического символического образа, «визуального лексикона». В статье подчеркивается, что основной целью проводимой властью пропаганды становится формирование из отдельных личностей не только единого советского народа, «коллективного человека», но и «коллективного автора». Делается вывод, что формирование идеи парка культуры и отдыха в советской культуре 1920–1930-х годов характеризовалось укорененностью в традиции отечественной культуры, почвенностью, а также имело прямое отношение к концепции города-сада, возникшей в отечественной градостроительной практике в начале XX века.

Ключевые слова: парк культуры и отдыха, город-сад, социалистический город, советская культура, символ.

Для цитирования: Лупина Е. А. Парки культуры и отдыха 1920–1930-х годов в политическом и художественном пространстве советской эпохи // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №6 (116). С. 47–52. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-47-52>

PARKS OF CULTURE AND RECREATION OF THE 1920s AND 1930s IN THE POLITICAL AND ARTISTIC SPACE OF THE SOVIET ERA

ЛУПИНА ЕЛЕНА АМИРАНОВНА – соискатель кафедры культурологии, Московский государственный институт культуры, директор Центрального парка культуры и отдыха им. М. Горького

LUPINA ELENA AMIRANOVNA – Applicant at the Department of Cultural Studies, Moscow State Institute of Culture; Director of M. Gorky Central Park of Culture and Recreation

© Лупина Е. А., 2023

Elena A. Lupina

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation;
M. Gorky Central Park of Culture and Recreation,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: official@park-gorkogo.com

Abstract: The article shows that since the first years of Soviet power in our country, new forms of mass work have been developed, one of which is the creation of institutions where political and educational work is combined with cultural and ideological work. Parks of culture and recreation, created in the 1920s and 1930s in the USSR, belonged to this type. Visual artifacts placed in the politicized context of the epoch (parks of culture and recreation, works of art, etc.) contributed to the emergence of a specific symbolic image, a "visual lexicon". The article notes that the main purpose of the propaganda carried out by the government is the formation of individuals not only of a single Soviet people, a "collective person", but also a "collective author". In conclusion, it is concluded that the formation of the idea of a culture and recreation park in the Soviet culture of the 1920s – 1930s is marked by its rootedness in the tradition of national culture, soil, and is also directly related to the concept of a garden city that arose in domestic urban planning practice in the early XX century.

Keywords: park of culture and recreation, garden city, socialist city, Soviet culture, symbol.

For citation: Lupina E. A. Parks of culture and recreation of the 1920s and 1930s in the political and artistic space of the soviet era. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 6 (116), pp. 47–52. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-47-52>

Архитектура начала XX века в России (прежде всего, авангардная) предлагала немало градостроительных проектов, имевших утопический характер, и большая часть из них так и не была реализована. Она недаром получила название «бумажная», так и оставшись лишь на бумаге. Все предлагаемые проекты уже в дореволюционный период были направлены на кардинальное переустройство городского пространства, на его преображение. И это полностью совпадало с направленностью уже советской власти на создание идеального города будущего, о чем свидетельствуют многочисленные проекты того времени («Город на рессорах» А. М. Лавинского, «Город на воздушных путях сообщения» Т. Г. Крутикова и др.). Но для реализации идеи по созданию нового мира требовалось разработать иные принципы градостроения и художественный язык. Кроме того, все создаваемое должно было свидетельствовать о преимуществах нового политического строя. Именно в этом новом политическом и художественном контексте и возникают парки культуры и отдыха в 1920–1930-е годы.

В научном дискурсе есть немало подходов к трактовке политического пространства, каждый из которых формировался в разное время, а, следовательно, в границах различных теоретических моделей. Среди них можно выделить два основных. Первый базируется на идее географического детерминизма, декларирующего зависимость организации жизни общества от природных факторов (климатические условия, природные ресурсы и пр.). Именно они, с точки зрения представителей этого подхода (Р. Аронов, Ф. Ратцель, Э. Симпл), воздействуют на форму и особенности организации общественного и государственного устройства.

Второй подход основан на представлении о том, что человек и общество пребывают не только в природно-физическом пространстве, но ориентируются на разновидности идеального пространства, влияющего на модель поведения и взаимодействия различных социальных групп (П. Сорокин, Я. Морено и др.). Такого рода явление характеризуется многомерностью и гетерогенностью, а потому и жизненное пространство, с данной

точки зрения, это не отражение природных обстоятельств жизни людей, а выражение их представлений о прошлом и будущем. В таком контексте политическое пространство оказывается пронизано как идеологическим, так и художественным смыслом. Это сложное полисемантическое образование, которое нуждается, в частности, в искусстве для придания ему политico-идеологической легитимности. В связи с этим важную роль в политическом пространстве играет символический компонент, выступающий ресурсом для его конструирования.

Уже в 1920-е годы все сферы жизни советского человека были политизированы. В этот период происходило не только осмысление идеи нового общественного устройства, но наряду с этим шел поиск новых социальных форм. Осмысление нового происходит посредством символов, поскольку они «сливаются в значимые для нас образы, чувственно понимаемые и наделенные знаковым смыслом» [12, с. 52]. Символ, бытование которого возможно в виде образа, слова, знака, выступает своего рода сигналом из той или иной сферы, в том числе и общественно-политической. Более того, символическое может отражать то, чего еще нет, выступает некой потенцией, которая со временем способна перейти в актуальное состояние, и это оказалось очень важно для ситуации в России 1920-х годов.

Социализм возник не вдруг, не сразу после Октябрьской революции 1917 года, поэтому перед советской властью стояла задача не только сконструировать новое социальное бытие, но и убедить советских граждан в том, что оно уже существует как образ жизни и политическая реальность. Искусству в этом процессе отводилась одна из ведущих ролей, поскольку оно тоже наделено способностью конструировать, а не просто изображать образы в определенной взаимосвязи. В связи с этим Парк культуры и отдыха – как синтез природного и культурного, как воплощение новой визуальности – стал своеобразным символом новой власти.

Уже в первые годы советской власти прибегали к разным формам вовлечения советского человека в рождающуюся политическую реальность новой России (плакатное искусство, экскурсионная деятельность, киносеансы и пр.). При создании нового социокультурного пространства большевики опирались на разнообразные способы «репрезентации наиболее значимых для формирующего советского общества представлений и образов» [10, с. 269]. В данном случае можно говорить о стремлении в этот период к расширению визуальности в культуре.

Одна из главных целей большевиков в первое десятилетие после прихода к власти – создание «нового человека», которому присущи новые идеи, новое восприятие мира, новые воспоминания. Достигалось это в том числе путем замены прежних памятных событий новыми представлениями. Рождению нового советского человека способствовали и те вербальные и визуальные средства, которыми пользовалось искусство с момента его возникновения. При подавляющей неграмотности населения именно эти средства стали главным инструментом возможностей презентации государственной власти, как это было в Древнем Египте, в Месопотамии, повсеместно в Средние века. Задача искусства в 1920–1930-е годы состояла не в приукрашивании действительности, а в замене прежней социальной реальности новой. А это означает, что «замена подлежит здесь и сейчас протекающее настоящее. Речь идет об особого рода модальности: это не замена настоящего будущим, но попытка представить будущее настоящим» [2, с. 28].

В связи с этим проводимая советской властью культурная политика была нацелена на формирование нового типа визуальности. Помещенные в политизированный контекст эпохи визуальные артефакты (парки культуры и отдыха, произведения искусства и пр.) способствовали возникновению специфического символического образа, «визуального лексикона». Воспитательная и просветительская деятельность новой власти должна была

охватить как можно большее число граждан советской России. Это связано с тем, что «горизонт жителейского опыта среднего гражданина редко выходил за пределы деревни или уездного центра, простираясь самое большое до ближайшего крупного города, или же завода, на котором работали члены его семьи» [8, с. 240]. В связи с этим в советской культуре стали постепенно отказываться от сложного художественного языка авангарда, который для подавляющей массы населения был непонятен, заменяя его традиционными для русской культуры образцами. Это иконописные образы и лубочные картинки, отсылки к которым можно обнаружить в советском плакате, это традиция праздничных гуляний, продолжение которых видно в массовых демонстрациях и митингах.

В таких условиях особую значимость приобретает фокус зрения, а инструментом для упорядочивания объектов рассмотрения выступает советская зрелищность в целом. «Установка на "факт" вытесняется» в этот момент «мультимедийной инсценировкой идеологических эмблем и мифологических образов» [11, с. 10]. Именно в указанной ситуации парки культуры и отдыха, массовые демонстрации и празднества приобретают статус своего рода образца, канона, на который следовало ориентироваться их массовому участнику. Более того, декларируемые ими ценности должны были перейти из общественно-публичной сферы в частную жизнь каждого советского человека, выступая своего рода маркером для определения его «советскости».

Работа в этом отношении велась социалистическим государством в разных направлениях с опорой на «верования, мифы и метафоры», которые «выступали инструментами для облегчения проникновения идей в массовое сознание». Отметим позицию К. Гирца, который, в частности, указывал на «образную природу идеологического мышления, наполненного различными метафорами и тропами» [10, с. 269]. С другой стороны, по мнению М. Маклюэна, в этот

период молодому советскому обществу было достаточно «адаптировать свои традиционные восточные иконы и построение образа к новым электрическим средствам коммуникации, чтобы быть агрессивно эффективными в современном мире информации» [6, с. 394].

Основной целью советской пропаганды было формирование из отдельных личностей единого советского народа. Но это был не только «коллективный человек», но и «коллективный автор». На протяжении первых трех десятилетий в послеоктябрьский период активно используется так называемый «бригадный метод». Подобный способ работы можно обнаружить в искусстве других стран, но особенность советского варианта заключается в том, что он получает идеологическое обоснование как новая форма социалистического творчества. Многие крупномасштабные проекты в советской художественной культуре были выполнены при использовании «бригадного метода». Многие из мастеров 1920–1930-х годов считали его одной из моделей искусства будущего. Но можно говорить и о «почвенности» этих представлений, поскольку в Древней Руси превалировала артельная форма в архитектуре и изобразительном искусстве.

Материалы заседания Исполкома Моссовета весной 1927 года свидетельствуют о том, что в то время был поднят вопрос о необходимости открытия «Большого рабочего центра». Среди причин его создания значилась необходимость замены им традиционных религиозных форм. Именно в контексте христианства формируется представление о саде как модели мира, его иконе, рае. Сад начинают сопоставлять с Эдемом, с «райскими кущами». «По сути, рукотворный рай – это усовершенствованная и абсолютно безопасная среда, в которой человек может чувствовать себя комфортно и умиротворенно, удовлетворяя свое извечное желание быть ближе к матери-природе» [4, с. 53].

Таким образом, идея «райского сада» как пространства, где городской житель имел

возможность вернуться в природное окружение, а многие горожане приобрели этот статус совсем недавно, а до этого проживали в деревне, базировалась на социальном запросе. С другой стороны, она соединилась в 1920-е годы с идеей преображения окружающего мира, лежавшей в основе многих утопических проектов в России начала XX века. «Осуществляемые в данной ситуации преобразования должны были приобрести статус радикальных и затронуть не только социум, где следовало установить порядок, но и распространиться на природную реальность» [10, с. 266].

Отметим, что в Советской России приоритет получили научные направления, способные активно вторгаться в мир природы. Эта тенденция нашла отражение в трансформации подходов к градостроительству. Буквально за два десятилетия с отечественной архитектурно-градостроительной мыслью произошли кардинальные изменения. В начале XX века доминирующей была концепция города-сада, которая в 1917–1920 годы получила дальнейшее развитие. Однако уже к 1925–1926 году она оказывается под запретом, а на смену ей приходит идея советского рабочего поселка, которую к концу 1920-х годов заменила идея социалистического города.

С 1920-х годов в основу развития парков культуры и отдыха легла идея массового озеленения. Доступная для общественности единая зеленая зона начала складываться с центра Москвы в 1922 году. Эта же тенденция прослеживается и в Генеральном плане реконструкции Москвы, который был утвержден в 1935 году. В своем выступлении на заседании пленума Моссовета в 1934 году Л. М. Каганович отмечал, что Сталин под массовым озеленением имеет в виду не отдельные газоны, а большие «парковые массивы, которые мы всемерно должны развивать в Москве и ее ближайших окрестностях» [3, с. 5].

Посредством подобных пространств политическая элита могла осуществлять пропа-

ганду социалистических идей и воспитывать граждан в соответствии с ними. Безусловно, Москва, пережившая в 1920-е годы процесс ускоренной индустриализации и урбанизации (их начало относится к рубежу XIX–XX веков) стала образцом и ориентиром для других советских городов. Реализовываемые здесь проекты задавали стандарты, которые в дальнейшем были распространены на остальную территорию СССР.

Итак, новое политическое пространство советской эпохи предполагало особую взаимосвязь его идеологической и художественной составляющих. Новое социальное бытие не возникло вдруг и сразу после Октябрьской революции 1917 года. Это был процесс созидания ранее неизвестных форм политической жизни, к символическому аспекту которых имело отношение социалистическое искусство. На протяжении 20–30 годов XX века разрабатывались формы массовой работы, одной из которых становится создание учреждений, где политico-просветительская работа соединена с культурно-идеологической. К этому типу и относились новые типы парков культуры и отдыха 20–30 годов XX века, насыщенные символами народной власти и будущего коммунистического бытия. С другой стороны, идея их создания укоренена в сложившихся еще в предшествующий период традициях. Так, еще в Древней Руси сформировались представления о «райском саде» и традиции праздничных гуляний, в которые были вовлечены фактически все жители города или деревни. Этот вид развлечений следует определить как синкретический, поскольку не представляется возможным выделить отдельные его элементы. Таким образом, формирование идеи парка культуры и отдыха в советской культуре 1920–1930-х годов отличается укорененностью в традициях отечественной культуры, «почвенностью», а также имеет прямое отношение к концепции города-сада, возникшей в отечественной градостроительной практике в начале XX века.

Список литературы

1. Бакулов В. Д. Социокультурные метаморфозы утопизма. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 2003. 352 с.
2. Добренко Е. Политэкономия соцреализма. Москва: Новое литературное обозрение, 2007. 592 с.
3. Долганов И. Зеленые насаждения советского города // Проблемы садово-парковой архитектуры. Москва: Издательство Всесоюзной академии архитектуры, 1936. С. 1–24.
4. Лавренова О. А. Садово-парковое искусство и метаязык города // География искусства: новые ракурсы. Сборник статей. Москва: ГИТР, 2020. С. 52–59.
5. Лосев А. Ф. Самое само: Сочинения. Москва: ЭКСМО-Пресс, 1999. 1024 с.
6. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. Москва–Жуковский: КАНОН-пресс-Ц: Кучково поле. 2003. 464 с.
7. Мамардашвили М. Лекции по античной философии. Москва: Аграф, 1997. 320 с.
8. Плаггенборг Шт. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. Санкт-Петербург: Журнал «Нева», 2000. 416 с.
9. Подорога В. А. Пространство и власть. Геополитика русского авангарда. А. Платонов и В. Шаламов. Москва: Культурная революция, 2022. 296 с.
10. Синявина Н. В. Концепт «устремленность в будущее» как элемент концептосферы русской культуры: монография. Москва: МГИК, 2022. 365 с.
11. Советская власть и медиа: Сборник статей под общей ред. Х. Пюнтера и С. Хэнсген. Санкт-Петербург: Академический проект, 2006. 614 с.
12. Ставицкий А. В. Современный миф: его природа и предназначение. Севастополь: Рибэст, 2013. 156 с.
13. Угрехелидзе Е. А. Культура городского парка в 1920–1950-е годы (на примере Нескучного сада) // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2016. № 3. С. 89–95.

*

Поступила в редакцию 30.10.2023